

Меритократия в Китае и миф о новой системе данничества

С эпохи династии Тан и по сей день традиция меритократии в Китае по-прежнему определяет особенности государственного управления в этой стране и выявляет углубляющийся кризис легитимности на Западе.

Феликс Абт

птн 03 июл 2026 14 мин. чтения

Задолго до того, как на Западе вообще начали серьёзно обсуждать вопрос о равных возможностях, в Китае уже существовали сложные концепции отбора по принципу меритократии. В частности, государство эпохи династии Тан считается одним из ранних примеров системы, основанной на заслугах и компетентности. Это даёт интересные подсказки для современного мира, который разрывается между китайской меритократией и западной плутократией, а также между живой

демократией китайского типа и формальной западной демократией, которая ограничивается периодическими выборами и зачастую не способна представлять интересы населения.

«Гармония превыше всего»: объяснение китайской философии управления

Более 2000 лет назад Сунь Цзы (孫子) написал в «Искусстве войны», что высшей формой стратегии является «покорение врага без сражения». Этот принцип, чуждый Западу, стремящемуся отказаться от насилия, отражает фундаментальную истину: китайская политическая традиция ценит гармонию и компетентность выше господства и догм. В отличие от миссионерского рвения, традиционно характеризующего западную внешнюю политику, которую Китай воспринимает как агрессивную, китайская концепция Тянься — «Всё под Небом» — предполагает мир, управляемый моральным примером, а не принуждением или завоеванием.

Профессор Дэниел А. Белл подчеркивает, что этот принцип гармонии (*hé*, 和) выходит за рамки философии и находит применение в практическом управлении. Речь идет не об унификации, а о мирном согласовании разнообразных интересов как внутри страны, так и на международном уровне.

Секрет долголетия Китая: система, основанная на заслугах

То, что Китай просуществовал и процветал на протяжении тысячелетий, — не случайно. Его выживание во многом обусловлено уникальной политической структурой, основанной на меритократии — концепции, формально закреплённой в эпоху династии Тан (618–907 гг. н. э.), но вдохновлённой идеями Конфуция, высказанными ещё за несколько столетий до этого. В то время как аристократическая Европа по-прежнему придерживалась принципа наследственности, в Китае сформировалась бюрократическая система, в которой кандидатов оценивали по знаниям, нравственным качествам и результатам деятельности.

Система императорских экзаменов династии Тан, или Кэцзю, позволяла любому — включая крестьян, иностранцев и даже, в редких случаях, женщин — добиваться успеха благодаря своим заслугам. Это не было абстрактным идеалом. Рецензируемое исследование эпитафий представителей элиты династии Тан показало, что происхождение из элитных родов практически не влияло на успех на экзаменах. С точки зрения социальной мобильности Китай эпохи Тан напоминал Америку 1960-х годов — время, когда «американская мечта» ещё в какой-то мере оставалась реальностью.

Men in medieval China were able to move up the social ladder as easily as male Baby Boomers in the US, study suggests

Matthew Loh Jan 24, 2024, 12:23 PM GMT+7

Share

Save

- Obtaining high status was likely as easy for men in the Tang Dynasty as for men in the modern US, a study suggests.
- It found that social mobility for men at the time could be compared to that of the 1960s in the US.
- These men weren't aristocrats, but became bureaucrats through the rigorous imperial examination.

Дэниел Белл описывает эволюцию китайской системы управления как «политическую меритократию». В то время как многие чиновники на местном уровне избираются демократическим путем из числа разнообразных кандидатов, руководители на более высоких уровнях отбираются в ходе тщательного процесса, в ходе которого оцениваются их компетентность, нравственные качества и результаты работы на различных предыдущих должностях. В результате формируется руководящий кадровый резерв, способный решать сложные задачи в области экономики, технологий и устойчивого развития — это современное воплощение духа эпохи династии Тан, адаптированное к требованиям сегодняшнего дня. Как мы увидим позже, демократия с китайской спецификой функционирует таким образом, что её часто неправильно понимают и искажают. Я рассмотрю этот вопрос более подробно ниже.

Критики часто приводят в пример интернет-цензуру в Китае как неопровержимое доказательство авторитарного характера государства. Однако такая узкая точка зрения неверно интерпретирует реальный механизм функционирования этой системы: она сочетает целенаправленное управление информацией с систематическим сбором обратной связи от общественности и оперативными политическими мерами. Благодаря непосредственному учету мнения граждан при принятии политических решений эти механизмы обеспечивают такой уровень подотчетности государства, которому должны подражать западные системы, чтобы самим стать по-настоящему демократическими. Ознакомьтесь с полным анализом в моей статье [здесь](#). В другой [статье](#) я также развенчал пропагандистский миф о «системе социального кредита».

Премьер-министры других стран, женщины-новаторы и зарождение конфуцианского феминизма

Среди наиболее примечательных результатов этой системы — карьера Khuong Công Phu, вьетнамского учёного, который поднялся до должности, сопоставимой с постом премьер-министра Китая. Японский принц Abe no Nakamaго и корейский философ Choe Chiwon также успешно сдали императорские экзамены и занимали высокие государственные должности.

Сама система была официально закреплена при У Цзэтянь, единственной женщине-императрице Китая, — что является ярким свидетельством интеллектуального потенциала женщин даже в эпоху, когда бюрократический аппарат по-прежнему оставался исключительно мужским. Это наследие продолжает оказывать влияние и сегодня, поскольку женщины всё чаще занимают руководящие должности в китайских учреждениях.

Scientists find 'feminist paradise' existed more than 4 millennia ago

When they mapped the DNA of 60 skeletons in a Chinese graveyard, they discovered a unique society that lasted for at least ten generations

Возможно, это также свидетельствует о более глубокой исторической преемственности: более четырёх тысячелетий назад в древнем Китае процветало общество, возглавляемое женщинами, на протяжении более десяти поколений (около 250 лет). Расположенное в Фудзя, провинция Шаньдун, оно является старейшим из известных матрилинейных обществ в мире, как показывают результаты анализа ДНК и радиоуглецевого датирования, опубликованные в *Nature*.

Конфуций и Платон: история двух меритократий

Конфуций представлял себе общество, в котором лидерство определялось способностями и добродетелью, а не происхождением. Платон, живший на 150 лет позже, также проповедовал идеал меритократии, однако в своей политической концепции сохранил наследственные привилегии. Конфуций отвергал наследственное правление, осознавая его склонность порождать коррупцию, упадок и крах династий — цикл, который он стремился разорвать с помощью образования и нравственного лидерства.

Он призывал правителей быть практичными, великодушными и справедливыми — в полном смысле этого слова ориентированными на людей. Он прославился своим высказыванием: «В образовании не должно быть классовых различий» («Лунь Юй», 15.39). И он настаивал на том, что доверие — а не сила — является основой любого легитимного правительства. Если что-то и нужно пожертвовать, говорил он, то лучше отказаться от армии, чем от зерна, а от зерна — лучше, чем от доверия.

Белл подчеркивает, что конфуцианский акцент на нравственном лидерстве и долгосрочном планировании по-прежнему оказывает влияние на современное китайское государственное управление. Решения принимаются с учетом будущего, а не только с прицелом на избирательные циклы или краткосрочную выгоду.

Модель, которая вдохновила эпоху Просвещения — и встревожила британскую аристократию

Система императорских экзаменов в Китае оставила глубокий след в европейской современности. Британцы внедрили эту меритократическую модель в своей колониальной администрации в Индии в 1832 году, а в 1846 году — и в собственной государственной службе, что вызвало настоящий ужас у дворянства, которое видела, как ускользают его традиционные привилегии и исключительное господство над государственной властью.

Такие мыслители, как Вольтер, открыто черпали вдохновение в китайской системе государственного управления. Он переводил китайские пьесы и восхвалял конфуцианские ценности за их рациональность и моральную ясность. Статуя

Конфуция даже украшает здание Верховного суда США наряду со статуями Моисея и Солона — символизируя основоположников великих правовых традиций мира.

Меритократия против плутократии: история двух систем

Современная система экзаменов в Китае, известная как «Гаокао», продолжает традиции исторического Кэцзю, благодаря чему поступление в элитные учебные заведения, такие как Университет Цинхуа — где проходят обучение многие из ведущих лидеров страны, — сопровождается жесткой конкуренцией. Из 10 миллионов выпускников средних школ, которые заканчивают обучение каждый год, только 3 000 получают право на поступление.

Профессор [Джон Л. Торнтон](#), бывший председатель Goldman Sachs Asia, который на протяжении своей карьеры также встречался с многими ведущими китайскими политиками, объясняет это следующим образом: «КПК функционирует скорее как меритократическая элита, чем как традиционная партия — по аналогии с историческим сословием мандаринов. Её деятельность основана на результатах, во многом как в вооружённых силах США».

Торнтон подчеркивает, что в партии и правительстве карьерный рост доступен лишь самым способным людям. В отличие от этого, западные политические системы всё в большей степени опираются на избирательные кампании, финансируемые миллиардерами, на медийные нарративы, формируемые в интересах элиты, а также на снижение уровня доверия к демократическим институтам. По мере того как голоса сокращающегося среднего класса становятся всё тише, система управления на Западе дрейфует в сторону олигархии и отдаляется от демократии.

В то время как большинство политических лидеров на Западе имеют юридическое или финансовое образование, руководство Китая в основном состоит из способных инженеров и учёных — тех, кто создаёт что-то, а не тех, кто этим управляет.

[Дэниел Белл](#) подчёркивает, что китайская политическая система сочетает меритократию с ограниченными демократическими механизмами на местном уровне. Экспериментальные модели управления на среднем уровне позволяют оценивать государственных служащих по целому ряду критериев, включая экономические результаты, сокращение бедности и обеспечение экологической устойчивости. Такой подход позволяет продвигать на руководящие должности действительно компетентных и способных адаптироваться к меняющимся условиям управленцев.

Объяснение роли Коммунистической партии

На Западе политическая легитимность основывается на шумных выборах, харизме и сборе средств; любой может быстро подняться на вершину, если удачно воспользоваться моментом в СМИ.

Однако в Китае избираются сельские комитеты (村委会), а в некоторых случаях — городские советы. Жители могут напрямую голосовать за своих представителей в селе или микрорайоне, выбирая таким образом кандидатов, которых они знают и могут, следовательно, оценить.

Затем эти представители низшего звена могут продвигаться по карьерной лестнице в рамках спокойной, напоминающей корпоративную систему, управляемой Организационным отделом Коммунистической партии — огромного кадрового аппарата, который управляет миллионами чиновников с помощью основанных на данных оценок эффективности, а не публичных выборов. На протяжении десятилетий лидеры проходят строгий 30-летний путь от должностей на уровне деревни до руководства провинциями, курируя население, численность которого сопоставима с населением целых стран, и оцениваются по строгим показателям, таким как рост ВВП, сокращение бедности, социальная стабильность и экологические целевые показатели.

Эта система готовит высококвалифицированных технократов и защищает систему управления от популизма. Однако она также способствует конформизму, неприятию риска и историческим злоупотреблениям, связанным с узконаправленными ключевыми показателями эффективности (КПЭ). Несмотря на высокую эффективность в решении известных проблем, эта структура не только не препятствовала, но и не способствовала развитию творчества и прорывных инноваций — которые, как представляется, возникают независимо от государственного аппарата. Следовательно, система управления в Китае не является личной диктатурой — как часто утверждается в западных нарративах, — а представляет собой институциональную, меритократическую систему, основанную на «легитимности результативности».

Западные наблюдатели зачастую ошибочно считают Китай нестабильной или примитивной страной. На самом деле он функционирует не столько как традиционное государство, сколько как мощная, основанная на принципах меритократии корпорация, ведущая долгосрочную стратегическую игру.

В этом контексте важно подчеркнуть, что критика допускается, в то время как клевета запрещена и преследуется по закону Китая. Это касается всех — от обычных граждан, оскорбляющих друг друга, до лиц, выдвигающих ложные

обвинения в адрес китайских лидеров. Однако западные СМИ часто искажают этот факт и представляют критику китайских лидеров как нечто особенно «опасное», упуская из виду более широкий правовой контекст.

Возрождение якобы репрессивной системы дани в Китае?

Как и в случае со многими аспектами Китая, которые на Западе понимают не до конца, многие комментаторы — в том числе инвестор Рэй Далио — неверно интерпретируют историческую систему дани Китая (朝贡, *chaogong*), рассматривая её через призму западной геополитики, а не в её собственном историческом контексте. В *Financial Times* и на своём [Substack](#) Далио утверждает, что Китай возрождает современную версию этой системы в Азии.

≡ FINANCIAL TIMES 👤

Opinion **Chinese politics & policy**

China's tribute system and the new world order

Exercising power without resorting to war could be Beijing's ultimate show of strength

RAY DALIO [+ Add to myFT](#)

Однако это утверждение основано на неверном толковании того, как на самом деле функционировала первоначальная система дани. Западные наблюдатели часто представляют систему дани как нечто, сходное со средневековым европейским феодализмом: более мелкие государства платили дань Китаю, который, в свою очередь, обеспечивал им защиту, одновременно осуществляя политическое господство. Согласно этой точке зрения, эти отношения поддерживались иерархическим порядком, в конечном счете подкреплённым силой принуждения. Однако такая характеристика в значительной степени неверна.

На самом деле система дани функционировала практически наоборот. Вместо того чтобы извлекать богатство из периферийных государств, Китай зачастую передавал им богатство. Система была построена на обмене престижа на материальные выгоды: государства, вносившие дань, предлагали в основном символические подарки, а Китай в ответ предоставлял гораздо более ценные товары и торговые привилегии. По сути, эти отношения представляли собой обмен символического признания на ощутимые экономические выгоды.

Эта система была отражена в таких понятиях, как: **得名** (*dé míng*), согласно которому Китай обретал престиж, признание и легитимность; и **得实** (*dé shí*), благодаря которому вассальные государства получали ощутимые экономические выгоды. Иными словами, Китай обретал статус, а его вассалы — богатство.

Этот подход восходит к временам основания династии Мин при императоре Хунву. Его руководящим принципом было **厚往薄来** (*hòu wǎng bó lái*), что буквально означает «давать щедро, принимать скромно». Это была не второстепенная черта системы дани, а её центральный организующий принцип. Китай сознательно давал больше, чем получал, поскольку максимальная прибыль никогда не была его целью. Напротив, целью было укрепление стабильного, мирного и гармоничного регионального порядка, в котором соседние государства добровольно признавали бы центральное положение Китая.

Как функционировала система дани

Государства, входившие в данническую систему, получали выгоды на трёх уровнях.

Первым были непосредственные материальные выгоды. Иностранные послы преподносили дань в виде местных редкостей, экзотических товаров и символических даров, которые, как правило, были сравнительно недорогими и не представляли сложности для приобретения. В ответ китайский императорский двор обычно одаривал их роскошными подарками — шёлком, парчой, фарфором, чаем, серебром и денежными выплатами, стоимость которых нередко в несколько раз превышала ценность самой дани. Вторым преимуществом были торговые права во

время даннических миссий. Делегациям разрешалось вести торговлю во время пребывания в Китае, а сопровождавшие их лица могли заключать сделки с уполномоченными китайскими купцами через официальные учреждения, такие как гостевой дом Хуэйтунгуань (Hui Tong Guan). Благодаря этому даннические миссии превращались в весьма прибыльные коммерческие предприятия. Третьим — и наиболее ценным — преимуществом был доступ к китайскому рынку. На протяжении значительной части эпохи династии Мин морская торговля находилась под жёсткими ограничениями, поэтому даннический статус зачастую был одним из немногих законных способов выйти на китайский рынок. Для многих соседних государств возможность торговать с огромной экономикой Китая представляла гораздо большую ценность, чем церемониальная сторона этих отношений.

Система, настолько прибыльная, что люди пытались ею воспользоваться

Экономические стимулы были настолько привлекательными, что люди начали обходить систему. По некоторым сведениям, отдельные лица придумывали вымышленные государства и появлялись при императорском дворе, утверждая, что представляют их, лишь для того, чтобы получить экономические привилегии, связанные со статусом данника. Еще более забавный пример связан с купцами из Фуцзяня, которые отправлялись в Юго-Восточную Азию, получали от местных правителей незначительные официальные титулы, возвращались в Китай, выдавая себя за иностранных представителей, и ввозили товары под прикрытием данной миссии. В одной из данных миссий с Явы в 1438 году впоследствии выяснилось, что несколько делегатов были китайцами из провинции Фуцзянь.

По мере того как случаи мошенничества становились всё более распространёнными, правительство династии Мин ввело систему проверки, известную как «канхэ» (kānhé), призванную подтверждать легитимность послов, приносивших дань, а также существование государств, которые они, по их утверждениям, представляли.

Участие в этой системе было настолько ценным, что государства и политические фракции вели ожесточённую борьбу за право доступа к ней. Японии разрешалось направлять лишь ограниченное число данных посольств, и поскольку контроль над этими посольствами означал контроль над чрезвычайно прибыльными торговыми возможностями, два влиятельных японских клана — Оути и Хосокава — вступили в ожесточённую борьбу за то, кто из них получит официальное признание.

Кульминацией этого соперничества стал Нинбоский инцидент 1523 года. В Нинбо прибыли конкурирующие японские делегации, которые оспаривали законность полномочий друг друга; конфронтация переросла в насилие, что привело к боевым столкновениям на китайской территории, гибели чиновников династии Мин, а также к значительным беспорядкам и панике среди местного населения. Суть проблемы была проста: обе фракции стремились получить доступ к торговле с Китаем. В конечном итоге этот инцидент способствовал разрыву официальных торговых отношений между династией Мин и Японией.

Почему многие критики ошибаются

Критики часто представляют систему дани как структуру, основанную на принуждении и запугивании. Однако с исторической точки зрения она функционировала благодаря тому, что участие в ней было выгодным, доступ в Китай ценился, а сам Китай предлагал преимущества, а не угрозы. Государства зачастую соревновались за право войти в эту систему, а не были в нее втянуты принудительно. Система дани была основана на явно конфуцианском принципе — «покорять людей добродетелью» (以德服人) — с акцентом на моральный авторитет, щедрость и благожелательность, а не на прямое принуждение.

Современная параллель

Система, напоминающая дань, действительно может вновь возникать в Азии, но не так, как это описывают многие западные критики. Современный Китай оказывает влияние в первую очередь через торговлю, инвестиции и экономические возможности; страны сближаются, поскольку участие в этом процессе выгодно. В этом отношении данная логика напоминает историческую систему дани, которая опиралась на притяжение, а не на принуждение. Современную аналогию можно сформулировать просто: историческая система дани основывалась на вознаграждениях, а наказанием в ней была не военная сила, а лишение этих вознаграждений. Иными словами, «пряником» является торговля, а «кнутом» — лишение этого «пряника». Среди часто приводимых примеров — торговые ограничения в отношении Японии на фоне напряженности вокруг Тайваня и экономическое давление на Австралию после споров по поводу расследований, связанных с COVID-19: в обоих случаях механизм носил экономический, а не военный характер.

Эта интерпретация имеет важные стратегические последствия. Если влияние Китая зависит от привлекательности экономических отношений, то Китай должен оставаться ценным торговым партнером, а другие страны должны ощущать, что взаимодействие с Китаем приносит им материальную выгоду. По этой причине расширение внутреннего потребления является не просто экономической целью, но

и стратегической необходимостью. Если Китай будет постоянно фиксировать положительное сальдо торгового баланса, не предоставляя достаточных выгод своим партнерам, логика, основанная на привлекательности и лежащая в основе этой системы, начнет ослабевать. Если и возникает современная система дани, то она основана не на принуждении, а на экономической притягательности: исторически влияние Китая проистекало из того, что участие в этой системе было выгодным, а сегодня торговля и доступ к рынкам выполняют аналогичную функцию. Поэтому задача Пекина заключается не в том, как заставить страны войти в его орбиту, а в том, как оставаться достаточно ценным партнером, чтобы они сами решили остаться в ней.

• • •

Это первая из двух статей, посвящённых китайской меритократии. Во второй части рассматривается, как эта традиция проявляется в современной китайской политике — от голосования в местных органах власти провинции Чжэцзян, на кону которого стоял миллиард юаней, до пути мигранта, ставшего депутатом Всекитайского собрания народных представителей.

Ознакомьтесь с моими статьями на эту тему, посвящёнными западным стереотипам о Китае, по ссылке: <https://felixabt.substack.com>

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Цзы, Сунь Белл, Дэниел Китай